

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788025020071

К вопросу изучения «генетической первоосновы» хошутских песен

© 2025 г. Б. Х. Борлыкова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
borlboskha@mail.ru

Резюме. Настоящая статья продолжает исследование и введение в научный оборот калмыцких народных песен. В статье впервые рассматриваются песни хошуты Калмыкии в сравнении с ранними записями калмыцких песен XVIII–XIX вв. Автор, обратившись к ранним текстам, заглядывает вглубь истории и выясняет происхождение, содержание, композиционную структуру и жанровую специфику хошутских песен. В работе были использованы описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, а также синоптический анализ текстов, позволяющий выявить общие и локальные особенности хошутских песен. Материалом для исследования послужили тексты хошутских песен, опубликованные Б.В. Меняевым в монографии «Историко-культурное наследие хошуты Калмыкии: исследования и материалы» (2023). В качестве дополнительных материалов для сопоставления текстов были привлечены рукописные сборники калмыцких песен, хранящиеся в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга. Привлекались также религиозная, историческая, этнографическая и лексикографическая литература, а также личные материалы автора, собранные в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В ходе исследования установлено, что хошутские песни, записанные XX–XXI вв., являются сокращенными вариантами старинных калмыцких песен. Знание ранних текстов песен позволило автору выявить «генетическую первооснову» хошутских песен и понять их содержание, композиционную структуру и жанровую специфику. Полученные результаты настоящей статьи будут использованы автором при изучении калмыцких песен в их диахроническом срезе.

Ключевые слова: хошутский песенный фольклор, ранние записи калмыцких песен, архивные материалы, песни-шастры, варианты, «генетическая первооснова», содержание, композиционная структура, жанровая специфика, синоптический анализ

Для цитирования: Борлыкова Б.Х. К вопросу изучения «генетической первоосновы» хошутских песен // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S1605788025020071

On the Issue of Studying the “Genetic Basis” of Khoshut Songs

© 2025 Boskha Kh. Borlykova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
borlboskha@mail.ru

Abstract. This article continues the research and introduction of Kalmyk folk songs into scholarly circulation. For the first time, the article examines the songs of the Khoshuts of Kalmykia in comparison with the early recordings of Kalmyk songs of the 18th to 19th centuries. The author, referring to the early texts, looks deep into history and finds out the origin, content, compositional structure and genre specifics of the Khoshut songs. Descriptive, comparative-typological and comparative-comparative methods were used in the work, as well as

synoptic analysis of texts, which allows to identify common and local features of Khoshut songs. The material for the study was the corpus of texts of Khoshut songs published by B.V. Menyayev in the monograph “Historical and cultural heritage of the Khoshuts of Kalmykia: research and materials” (2023). Handwritten collections of Kalmyk songs stored in archives and libraries of St. Petersburg were used as additional materials for comparing texts. Religious, historical, ethnographic and lexicographical literature, as well as personal materials of the author collected in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China, were also involved. During the study, it was found that the Khoshut songs recorded in the 20th–21st centuries present abbreviated versions of ancient Kalmyk songs. Knowledge of the early lyrics allowed the author to identify the “genetic basis” of the Khoshut songs and understand their content, compositional structure and genre specifics. The obtained results of this article will be used by the author in the study of Kalmyk songs in their diachronic section.

Keywords: Khoshut song folklore, early recordings of Kalmyk songs, archival materials, shastra songs, variants, “genetic basis”, content, compositional structure, genre specificity, synoptic analysis

For citation: Borlykova, B.Kh. *K voprosu izucheniya “geneticheskoy pervoosnovy” hoshutskih pesen* [On the Issue of Studying the “Genetic Basis” of Khoshut Songs]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 2, pp. 80–92. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025020071

Изучение фольклорного наследия (мифов, легенд, преданий, сказок, небылиц, песен, благопожеланий, пословиц и поговорок и др.) важно в связи с возрождением национальной культуры, сохранением идентичности и передачи будущим поколениям духовного богатства предков. Устное наследие хошутов Калмыкии представляет исследовательский интерес как составная часть фольклора калмыцкого народа. Из исторической литературы известно, что «хошуты, войдя в Ойратский союз, стали одним из самых влиятельных субэтносов в составе ойратов XV–XVII вв. Происхождение хошутов восходит к восточномонгольским племенам. Прямыми потомками младшего брата Чингис-хана – Хабуту Хасара – являлась главенствующая знать хошутов (тайши, нойоны, ханы). Представители правящей династии хошутов Бубей-мирза, Хани-нойон Хонгор, Кундулен Убаши, Гуши-хан, Байбагас-батур, Аблай-тайджи, Очирту Цецен-хан, Галдама более ста лет стояли во главе Ойратского союза» [1]. В 1638–1639 гг. большая часть хошутов во главе с Гуши-ханом расселилась и окончательно обосновалась в Кукуноре, где было основано самостоятельное Хошутское (Кукунорское) ханство. В XVII в. другая часть хошутов несколькими кочевками переселилась на Волгу и составила один из субэтносов калмыков. В настоящее время хошуты в Калмыкии проживают на территории Кетченеровского и Октябрьского районов в поселках Сарпа, Алцын-Хута и Хошеут.

Ранее отдельные образцы хошутского фольклора рассматривались в работах: Б.Б. Манджиевой «Сказитель и его репертуар» (2013), «Тема депортации калмыков в Сибирь в сказительском творчестве Ш.В. Боктаева» (2013), «Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев» (2010);

Б.Х. Борлыковой, Б.В. Меняева «Песенный фольклор хошутов Калмыкии (по полевым материалам 2004–2018 гг.)» (2019), «Образцы поэтического фольклора хошутов Калмыкии» (2019), «Песни хошутов Калмыкии: опыт кластерного описания именной лексики» (2020), «О персонажах волшебных сказок хошутов Калмыкии» (2020) и др.; Т.Г. Басанговой «Мифы, легенды и предания калмыков» (2017); Б.Б. Горяевой «Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система» (2011), И.С. Надбитовой «Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок» (2011), Б.Ю. Сенглеева «Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография» (2019) и др. В 2023 г. Б.В. Меняевым опубликована монография «Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии: исследования и материалы» [2, с. 214–264]. Автор на материале личных полевых (1999–2023) и архивных записей (1960–1970-е годы) Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее НА КИГИ РАН) рассматривает историю собирания и публикации хошутского фольклора, исследует несказочную прозу, сказочный фольклор, а также образцы поэтического фольклора. В издание включены тексты более тридцати исполнителей хошутского фольклора.

Однако вышеприведенные исследования не исчерпывают решения всех проблем, связанных с изучением хошутского фольклора, в частности остаются вопросы композиционного построения, структуры, содержания и жанровой специфики хошутских песен, созданных в русле калмыцкой песенной традиции. До настоящего времени нет специальных исследований, изучающих калмыцкие песни, зафиксированные в XX–XXI вв., в сопоставлении с ранними их записями. Автором

настоящей статьи опубликованы тексты ранних песен, хранящиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее АВ ИВР РАН), Научном архиве Русского географического общества (далее НА РГО), Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета (далее НБ СПбГУ), Архиве Финно-Угорского общества, а также записи песен И.В. Добровольского, Г. Балинта, А.М. Листопадова, Г.И. Рамстедта, А.Д. Руднева и др. [3]; [4]; [5].

Исследование хошутских песен, зафиксированных в XX–XXI вв., в сопоставлении с ранними текстами калмыцких песен XVIII–XIX вв. позволяет выявить их композиционную структуру, содержание и жанровую специфику. Немаловажное значение имеет изучение ранних записей песен и для воссоздания полной картины калмыцкого песенного фольклора. «Народные песни, как и самый народ, имеют свою историю: одни из них изменяются, обновляются, принимают новые формы; другие отживают свой век, постепенно угасают, по мере того как в народе слагаются новые убеждения, и наконец делаются совершенно чуждыми народу, когда он начинает жить новою духовною жизнью» [6, с. 53].

Материалом для исследования послужили тексты хошутских песен, вошедшие в монографию Б.В. Меняева «Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии» [2]. В качестве дополнительных материалов для сопоставления более глубокого и детального изучения хошутских песен были привлечены архивные записи старинных калмыцких песен, опубликованные автором настоящей статьи в сборнике «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX в. (2015) [3], электронном каталоге «Калмыцкие народные песни» (по архивным и опубликованным материалам), записи XIX – начала XX в. (2022) [4] и монографии «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX – начала XX вв.: исследование и материалы» (2023) [5]. Привлекались религиозная, историческая, этнографическая и лексикографическая литература, а также личные материалы автора, собранные в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая.

Одним из распространенных и популярных жанров фольклора, бытующих по настоящее время, является народная песня. Песни хошуты по манере исполнения делятся на ‘протяжные песни’ (*ут дуд*) и ‘короткие песни’ (*ахр дуд*). Протяжные песни интонируются на напевы широкого дыхания, что требует специальных навыков, и отличаются большим тембровым своеобразием, специфическими фальцетными призвуками.

В монографии Б.В. Меняева [2] представлены в основном тексты протяжных песен: «Алта деернь хархнь»¹ («Поднявшись на гору Алтай²»), Сайг сээхн саарл («Мышастый красавец-иноходец»), «Өндр уулын үзүртнь» («На вершине высокой горы»), «Сээхн зеерд мөрн» («Красивый рыжий конь»), «Хасг зандн хар» («Вороной казахский конь с окрасом черного сандала»), «Жигжрмэн ногт» («Недоуздок Джигджирмы) и др.; двадцать коротких песен «ахр дуд»: «Андран Шохан» («Андраев Шохан»), «Олцна Далта» («Олцонов Далта»), «Окчан Камш зурхач» («Астролог Камыш Окчаев») и др. Песни, исполняемые под аккомпанемент домбры: «Харин күүкн Куука» («Хараева Кука»), «Мооньга Шорва» («Моников Шорва»), «Шуунян Кандин» («Шуняев Кандин»), «Натра Эдэ» («Натыров Адя»), «Хулхачин Булһн» («Хулхачиева Булгун»), «Нимгрэ Ижэ» («Нимгиров Иджа») и др. Тематика и содержание данных песен включает песни-шастры, исторические и лирические (свадебные, пировые, величальные, колыбельные, песни любовного содержания и др.) песни и др.

В хошутском песенном фольклоре сохранились строки из старинных протяжных песен-шастр (*калм.* ш(ч)астр дун букв. песни-гимны). Слово *шастр* (*монг.* шастир дуу, *ойр.* шастар дун) в лексикографических работах представлено в значениях ‘шастра, трактат, буддийское религиозное сочинение, гимн’ [7, с. 345]. Данный буддийский термин в монгольский язык попал посредством заимствования из санскрита через уйгурский язык (*монг.* šastir < уйг. šastir < *санскр.* s’ā-stra ‘поучение, специальная научная дисциплина, трактат, толкование на священный текст’ [8, с. 386]) [9, с. 351]. Термин «песни-шастры» в отечественном монголоведении впервые упоминается А.М. Позднеевым в труде «Образцы народной литературы монгольских племен» [6]. Исследователь, изучая песни олётов Монголии, отмечает, что песни-шастры не только существуют в народе, но и с каждым годом увеличиваются, «по мере того как буддизм более и более проникает в массу и обращает простолудинов в лам, изучающих буддийские молитвенники и начинающих смотреть на все глазами религии» [6, с. 175]. Он считает, что самые ранние из них, были созданы ламами, знавшими буддийские сутры и ритуальные тексты.

¹ Информантка Айтиева Байн Борлыкловна (1903–1991), дербетка (по мужу сагсгуд). Записано А.В. Бадмаевым 5 июня 1970 г., на ферме № 2 «Алтн Булг» пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи оцифрован и хранится в НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 114 (105). Расшифровано Б.В. Меняевым.

² Здесь и далее перевод автора настоящей статьи.

В исполнении Окчаевой Делгир Сангаджиевны (1927–2009) записан первый куплет песни-шастры «Бурм хаана өрглднь» («На вершине [горы] Бурам хан»)³:

1. <i>Бурм хаана өрглднь</i>	1. На вершине [горы] Бурам хан
2. <i>Бурхна шажн делгрэд.</i>	2. Распространяется Учение Будды.
3. <i>Бүгд маниг ээлдгч</i>	3. Покровительствующие всем нам
4. <i>Деед олн бурхд минь.</i>	4. Высшие бурханы.

Более полные варианты настоящей песни под названием «Бурм хаана уулднь...» («На горе Бурам хан»), зафиксированные в XIX в. на ойратском вертикальном письме «тодо бичик»⁴, представлены в рукописях Архива востоковедов ИВР РАН [3, с. 60] и Научной библиотеки восточного факультета СПбГУ [5, с. 38–39]. В песне восхваляется монастырская служба, посвященная защитникам Учения — докшита, в храме, находящемся на священной горе Бурам хан. Следует отметить, что титул *хан* «царь, монарх», присутствующий в названии настоящей горы, наделяет её высоким статусом среди других гор. А.М. Позднеев, исследуя богослужения в монгольских монастырях, отмечает, что «пятнадцатого числа каждого месяца проводятся служения докшита и читаются гимны в честь Ямантаки (тиб. Джигджид), Эрлик хана (Чойчжил), Окин тенгри (Палден Лхамо), Бисман тенгри (Намсарай), Эгэчи ду (Чжамсаран), Эсруа (Цанба), Махакалы (Гомбо), Цаган Махакала (Гонгор)». Кроме того, это единственное время, когда совершается чтение гимнов в честь докшита Хаинкирва, иначе Хаягрива (Дамдин)» [10, с. 282]. В варианте песни, записанной Г.Й. Рамстедтом в 1904 г. [5, с. 110–111], помимо горы Бурам хан упомянута мифическая гора Сумеру (*калм.* Сөмбр < *санскр.* теги ‘название четырёхгранной горы, возвышающейся в центре мироздания, окружённой океанами, горными цепями и четырьмя материками с островами’ (Сумеру ‘Благая Меру’) [8, с. 289]): *Довун деернь делдсн / Долахн өнцгтэ Сөмбр уул || Раскинувшаяся на холме / Семигранная гора Сумеру.* Для ойратов эта мифическая гора

³ Информантка Окчаева Делгир Сангаджиевна (1927–2009), хошутка из рода шарад. Записано Б.В. Меняевым в сентябре 2007 г. в пос. Сарпа Кетченеровского района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве собирателя.

⁴ Тодо бичик (букв. ‘ясное письмо’) — ойратское вертикальное письмо, которое было создано в 1648 г. ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольского письма.

является «Олимпом» и фигурирует в различных фольклорных текстах. В текстах песни «На вершине [горы] Бурам хан» встречаются наименования божеств: *деед бурхд* (< *уйг.* *bughan* < *санскр.* *buddha* + *qan* букв. ‘достигший Nirваны’ [9, с. 29]) ‘высшие божества’; термины, относящиеся к буддийскому духовенству: *хунзд* ‘гунзад, умзет, запеваала на буддийских службах’; *хуврг* (< *уйг.* *qurqay* ‘буддийское духовное лицо’ [9, с. 311]) ‘хуварак, буддийский монах’; наименования разновидностей монастырей: *сум* ‘храм, крупное стационарное сооружение’, *киид* (< *санскр.* *kheta* ‘монастырь’) ‘буддийский монастырь’; наименования одежды: *оркмэс намжр* ‘мантия, носимая ламами во время специальных богослужений; накидка духовного лица’; название стиля песнопений: *яң* (< *тиб.* *dbyangsyig* ‘звучание’) — стиль песнопений, сложившийся в XI веке в тибетском буддизме.

По воспоминаниям информанта Саранговой Боси Горяевны (1926–2004), в старину в Хошутском хуруле «Сера Тосам линг» ламы для открытия торжественных молебнов часто приглашали мужчин с красивым певческим голосом для исполнения песен-шастр, восхваляющих Учение Будды, божества, духовенство, буддийские монастыри, паломничество в Тибет, святыни и др. Одним из них был Купцан Манджин Гаря из рода луузнгуд.

Восхваление буддийского духовенства (*лам* ‘лама, учитель, наставник в тибетском буддизме’) и калмыцкой знати (*хан* ‘царь, монарх, правитель’, *нойон* ‘князь, владелец улуса’) встречается и в величальной песне «Хасг зандн хар» («Вороной казахский конь с окрасом черного сандала»), записанной в 1970 г. на катушечный магнитофон А.В. Бадмаевым от Ходжигоровой Цаган Натыровны (1894–1989), хошутки из рода дашихн. Исследователем было зафиксировано всего два куплета песни.

1. <i>Хасг зандн харнь</i>	1. Вороной казахский конь с окрасом черного сандала
2. <i>Хазартаһан цервнэ.</i>	2. Гарцует с уздой.
3. <i>Хан нойни хээрнд</i>	3. В милости хана и нойона
4. <i>Хамдан цуһарн жирһий.</i>	4. Будем все вместе блаженствовать.
5. <i>Номһн бор мөриг</i>	5. Спокойного сивого коня
6. <i>Ногтаснь бэрж цервнэ.</i>	6. За недоуздок держа гарцует.
7. <i>Нойн ламин хээрнд</i>	7. В милости нойона и ламы
8. <i>Хамдан цуһарн жирһий.</i>	8. Будем все вместе блаженствовать.

Более полный вариант данной песни из двенадцати строк автором настоящей статьи обнаружен в рукописях Ц.Д. Номиханова «Двадцать девять песен ставропольских калмыков»⁵, А.М. Позднева «Свадебные песни калмыков»⁶, «Калмыцкие песни» из коллекции К.Ф. Голстунского⁷. В хошутском варианте отсутствует третий куплет песни: *Эмнэ бор мөрн / Эмэлтэһэн цэрвэн. / Эзн нойни хээрнд / Эңгэрн цуһар жирһия* || Необъезженный сивый конь / Гарцует под седлом / В милости владельца-нойона / Будем блаженствовать всем уделом.

Имя божества Амиабха (Эгдвэн гегэн) упоминается в исторической хошутской песне «Хуцан Хагшг» («Хуцаев Хагшиг»): *Аавасн тавули Хуцан Хагшгт Эгдвэн гегэн ээлдтхэ* || Одного из пяти сыновей Хуцы – Хагшига / Пусть благословит Будда Амиабха. Амиабха (санскр. amitā-bha ‘безграничный свет’) – один из главных будд в буддизме махаяны, создатель чистой страны Сукхавати. Верующие в Будду Амиабху рождаются в счастливой стране Сукхавати наделёнными способностями наслаждаться духовно. Имя Будды Амиабхи встречается также в песне донских калмыков «Буйн кишгтэ Бокшранк» («Благословенные Богшранкины»), записанной А.М. Листопадовым в 1902 г.: *Алтн шарһ мөрн билэ / Авдевин гегэндһ таалмжата* || Золотисто-рыжий конь / Приличен для святого Амиабхи⁸. Следует отметить, что главными реликвиями для хошуттов являются два священных хошутских бурхана (*хошуда хойр шар бурхн*) – статуэтки с изображением Будды Акшобхьи (*Акчва бурхн*)⁹ и Бодхисаттвы Авалокитешвары (*Нүдвэр Үзчин Гегэн*)¹⁰.

В другой лирической хошутской песне «Харин күүкн Куука» («Хараева Кука») встречается словосочетание *арвн тавна тергн* – телега, везущая паломников в хурул на буддийский праздник – День рождения, Просветления и Ухода

в Паринирвану Будды Шакьямуни (*Үр сарин дуучн*). В этот день могли увидаться родственники, проживавшие в разных кочевьях. Из терминов, обозначающих общие буддийские понятия, в хошутских песнях имеются: *аршан* (< санскр. *рашиани* ‘нектар, напиток богов’) – целебная вода; *куж* – можжевеловый, используемый как благовонное средство для воскурения и др.

В исторических песнях хошуттов описываются крупные исторические события – войны, массовые миграции, депортации, так и события меньшего масштаба, касающиеся только хошутского аймака. К историческим песням мы также относим песни о лицах, оставивших заметный вклад в историю народа. Драматическим событием для всего калмыцкого народа был уход большей части калмыков из России на историческую родину, в Джунгарию в 1771 г. под предводительством Убаши-хана. Настоящее событие отражено в многочисленных песнях волжских и синьцзянских калмыков [11]. Эти песни отличаются от других песен многокуплетностью. Самый ранний вариант такой песни был опубликован в 1776 г. немецким путешественником П.С. Палласом, то есть спустя пять лет после ухода калмыков. Самый длинный текст калмыцкой песни, состоящий из тринадцати куплетов, имеется в рукописи «Песни и сказки калмыцкого народа», хранящейся в Научном архиве РГО. Настоящая песня была сложена торгутами, оставшимися в России («Нутг Алта тал харсн цагт: энд үлдэн торһуд улсин харсн дун»)¹¹. Текст песни был зафиксирован в 1853 г. в Бага-Цохуровском улусе. В начале песни повествуется о добровольном вхождении калмыков в Россию и присяге русскому царю в надежде на счастливую жизнь, этот момент передается словами: *Баатр цаһан хаанд / Байрта ирж түшсн билэ* || Богатырю белому царю / С радостью присягнули; *Орсин нутган түшхдэн / Оран жирһхд медсн гилэ* || Войдя в состав России / Мечтали жить все счастливо. Далее авторы песни пытаются понять причины ухода части торгутов: централизация имперской власти; сокращение кочевий; притеснение народа в их идентичности и религии (в то время часть калмыков стали крестить и отселять за территорию Калмыцкого ханства). В конце песни повествуется о преследовании ушедших торгутов солдатами: *Салькж харсн торһудыг / Саак салдсн нексми?* || За необдуманно ушедшими торгутами / Опять солдаты погнались? Поступок ушедших торгутских владельцев в сохранении своей религии они обротно сравнивают с птицей уткой, охотящейся

⁵ НА КИГИ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 2.

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 96.

⁷ НБ СПбГУ. Сalm В 12, № 1753.

⁸ РО ИРЛИ РАН. Р. V. Кол. 284. П. 1. Ед. хр. 1. Л. 28.

⁹ Будда Акшобхья (санскр. Akṣobhya; тиб. ‘khrugs pa med pa / mi bskyod pa; монг. Минтүгбурхан / Минтугва / Үлхөдлөгч, калм. Акчвабурхн), букв. «Непоколебимый». Один из пяти великих татхагат или дхьяни будд. Пять великих татхагат являются родоначальниками пяти семейств буддийского пантеона.

¹⁰ Авалокитешвара (санскр. Avalokiteśvara; тиб. Sryan-gzigs; монг., калм. Арьябала, Хоншм бодьсад, Нүдвэр Үзчин Гегэн). Он один из восьми главных бодхисаттв, особо почитаемый в Тибете, Монголии и буддийских регионах России. Его основные качества – безграничное сострадание и милосердие.

¹¹ НА РГО. Р. 53. Оп. 1. Д. 15.

вокруг своего озера: *Нуурин шовун нуһсн / Нууран эргэж менндг / Нойдуд-сээдүд ниидэр мань / Номан темцж нүүвт?* || Птица-утка, / Кружась над своим озером, охотится / Все знатные нойоны / В поисках веры откочевали? Из песни видно, что авторы глубоко сожалеют об уходе большей части народа в Джунгарию, они осуждают торгутских владельцев за гибель своего народа: *Воды реки Уласты / Сосчитали непригодными для питья? / Или правителей своих прежних / Сосчитали недальновидными они?* Для калмыков откочевка в Джунгарию оказалась настоящей катастрофой. «История калмыцких ханов» дает подробное описание тяжких бедствий, выпавших на долю народных масс, оставивших в пути около 100 тыс. человек убитыми, пленными, замерзшими, умершими от голода и ран, лишившихся последнего скота и ставших нищими» [12, с. 242]. Трагизм поступка торгутских владельцев ощущается и в песнях синьцзянских калмыков, потомков тех, кто ушел в Джунгарию. К примеру, в песне «Ижл Зээһин усн» («Воды Волги и Урала»), записанной автором настоящей статьи в ходе экспедиции 2012 г. в местности Цзинхэ Бортала-Монгольской автономной области Синьцзяна: *Воды реки Волги / Сосчитав, солёными, откочевали? / Воды рек Или и Текеса / Сосчитав, сладкими прикочевали? То, что искали, / Оказались камни и скалы? То, что нашли, / Оказались отга¹² и джунгис¹³?* Слова песни подтверждают исторические события того времени. Известно, что пришедших с Волги некоторых торгутских владельцев, инициаторов ухода калмыков в Джунгарию, маньчжурская власть наградила феодальными титулами и отличительными знаками на одежде. К примеру, Убаши-хан сохранил там свой ханский титул с почётным званием «Зоригту», т.е. «Смелый»; Цебек-Дорджи, внук калмыцкого хана Дондук-Омбо, получив княжеский титул цинь-вана, был удостоен почётного звания «Буянту», т.е. «Добродетельный»; джунгарский и калмыцкий военачальник Шеаренг, получив княжеский титул цинь-вана, был удостоен почётного звания «Билигту» («Талантливый») и др.

В хошутском песенном фольклоре сохранились три куплета из данной песни в исполнении Нимгирова Сангаджи Дударовича (1930–2010) и Окчаевой Делгир Сангаджиевны (1927–2009).

1. Самарин <i>хурвн толһаднь</i>	1. У трех самарских курганов
2. <i>Сайг борихэн архллав.</i>	2. Иноходца буланого своего привязал.
3. <i>Сальклад һарсн торһуднь</i>	3. Необдуманно ушедшие торгуты,
4. <i>Хамаран одв-ла гихви.</i>	4. Куда они ушли.
5. <i>Машин цэвдрэн көлгелсн,</i>	5. На игреневом коне Маши ¹⁴
6. <i>Маңһд борихэн көтлсн,</i>	6. Татарского сивко, веда [за повод]
7. <i>Мана нойн Увш хань</i>	7. Наш владелец Убаши
8. <i>Маниһэн яһтха гисмби?</i> ¹⁵	8. На кого нас оставил?

Образ Убаши хана занимает важное место в данной песне, так как именно он, наместник Калмыцкого ханства (1761–1771), возглавил в 1771 г. 30 909 кибиток (70 процентов населения) и двинулся в сторону прежней родины калмыков, в Джунгарию, прекрасно зная, что она уже была подвластна Цинской империи. Народ клеймит позором ханское честолюбие Убаши, осуждает преступление, совершенное им по отношению к народу: *Мана нойн Увш хань / Маниһэн яһтха гисмби?* || Наш владелец Убаши / На кого нас оставил? В варианте песни, исполненной Делгир Окчаевой, приводится полное имя хана — Церен Убаши. В песне упомянут дядя Убаши хана по отцу, один из владельцев Икицохуровского улуса — Маши, который так же, как и его племянник, отправился в 1771 г. в Джунгарию. На реке Яик (Урал) он был настигнут русскими войсками и возвращен с еще одним торгутским нойоном Асархо на Волгу. Известно, что в составе улуса Асархо был аймак из хошутов [13, с. 6], предков нынешних жителей пос. Сарпа Кетченеровского района и Хошеуты Октябрьского района Калмыкии. Отрывок данной песни упомянут в предании Нусхи Тюрбева — «Бор баатр нутган Алтад һарад, хэрү ирснэ тускар» («О возвращении Боро батыра с Алтая») [2, с. 306–309].

Песни, посвященные уходу калмыков, изобилуют топонимами, встречающимися на территории России и Казахстана, это места проживания и кочевки калмыков: гидронимы — *Уласт* 'река Ласта', *Теңс* 'река Тенгис', *Нэрн* 'река Нарын', *Ховц* 'река Кубань', *Ижл* 'река Волга', оронимы — *Эргн* 'Ергенинская возвышенность', *Самрин хурвн толһа* 'Три самарских кургана' и историческое

¹⁴ Маш — *ист.* дядя Убаши хана.

¹⁵ Информант Нимгиров Сангаджи Дударович (1930–2010), хошут из рода каружахн. Записано Б.В. Меняевым в ноябре 2007 г. в г. Элиста Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве собирателя.

¹² Отһ — *уст.* перо, султан на головном уборе, знак отличия у феодалов, чиновников в правлении маньчжурской династии Цин.

¹³ Джингис — *уст.* шарик, узел на головном уборе.

название юго-восточной части калмыцких степей — *Мацг* ‘Мочаги’. В текстах синьцзянских калмыков упомянуты гидронимы России и Китайского Синьцзяна (*Ижл* ‘река Волга’, *Зэ* ‘река Урал’, *Или* ‘река Или’, *Текс* ‘река Текес’), указывающие маршрут их передвижения.

К значительным событиям военной истории калмыков относится участие двух астраханских калмыцких полков в Отечественной войне 1812 года под командованием нойонов Джембо тайши Тундутова (ум. в 1830-е годы) и Серебджаба Тюменя (1774–1858). Помимо астраханских полков, в этой войне принимали участие Ставропольский полк калмыков и донские калмыки, последние из которых были в составе казачьих сотен атамана М.И. Платова. В каждой стороне Калмыкии воспевали отдельных своих героев-земляков, участвовавших в Отечественной войне. Так, в Малодербетовском улусе воспевали нойона Джембо-тайши Тундутова (ум. в 1830-е годы), командира Первого Астраханского калмыцкого полка; зайсанга Манку Талтаева (178?–182?), командира сотни Первого Астраханского калмыцкого полка; в Хошеутовском улусе — владельца Сербеджаба Тюменя (1774–1858), командира Второго Астраханского калмыцкого полка; у донских калмыков — генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова (1745–1813), генерала, атамана Матвея Ивановича Платова (1753–1818) и др. Самый ранний вариант текста песни об участниках Отечественной войны с ногами под названием «Маштг бор» «Низкорослый сивый» («Сем хамрта франц» («Французы с носами длиной в пядь»)) был зафиксирован в 1816 г. астраханским фольклористом-этнографом И.В. Добровольским, то есть спустя четыре года после окончания войны [3, с. 20]. В песне владелец Хошеутовского улуса Сербеджаб Тюмень, под народным именем нойн Джюджа, воспевается как национальный герой, с которым конница направляется в Москву для защиты Отечества от пятидесяти тысяч французов. Несколько отрывков настоящей песни имеются в хошутском фольклоре. Одна из записей песни на катушечном магнитофоне принадлежит инженеру Ф. Нонограммархива Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН В.П. Шиффу, который в июле 1978 года в пос. Хошеут (ранее Октябрьская МЖС) записал её у известного певца-танцора Бады Лиджиева (1912–1984).

1. <i>Монгн урлта харнь</i>	1. Вороному с серебряными губами.
2. <i>Монглсн эмэлдэн зокмашта.</i>	2. Под стать серебряное седло

3. <i>Мөөлур хамрта франциг</i>	3. С длинными носами французов
4. <i>Мөргдн бээж чавчлдла.</i>	4. Нападая, [их] рубил.
5. <i>Чавчлдн гиж чавчлдхильв</i>	5. Рубил не ради рубки,
6. <i>Эмнин арһднь чавчлдла.</i>	6. Рубил для спасения жизни своей.
7. <i>Төгрг нуурин көвэднь</i>	7. На берегу круглого озера
8. <i>Төггдн бээж чавчлдла.</i>	8. Обьезжая, рубил.
9. <i>Чавчлдн гиж чавчлдхильв.</i>	9. Рубил не ради рубки,
10. <i>Эмниннь арһднь чавчлдла.</i> ¹⁶	10. Рубил для спасения жизни своей.

Отрывок представляет собой общие куплеты песни «Сем хамрта франц» («Французы с носами длиной в пядь»), описывающей героическое сражение калмыков с французами на берегу озера Тогрег, без упоминания лиц, участвовавших в этой войне. Ещё один куплет данной песни зафиксирован Б.В. Меняевым у Далтаевой Булгун Убушиевны (1925–2014): *Сем хамрта францта / Сөргдн бээж чавчлдла. / Чавчлдн бээж чавчлдн угав, / Эмниннь арһд чавчлдла.* || Французов, с носами длиной в пядь, / Нападая [их] рубил, / Рубил не ради рубки / Рубил для спасения жизни своей.

Тема войны в хошутском песенном фольклоре была продолжена и в XX веке. Так, в песне «Гертэсн һарад йовхла» («Выехав из дома») повествуется об участии калмыков в Первой мировой войне; в песне «Мооньга Шорва» («Моников Шорва») воспевается участник Великой Отечественной войны, военный комиссар Сарпинского улуса — Моников Шорва (1915–1966). В 1941 г. он был одним из руководителей строительства оборонительных сооружений на реке Дон, под его командованием находилось 700 человек. «Военные песни являются органичной частью песенной культуры калмыцкого народа. В этих песнях отражены и суровая школа жизни калмыков, и лирические моменты, и ценности жизни. В текстах песен воплощены мысли и думы, чувства и мироощущение калмыков того времени» [14, с. 76].

К локальным историческим песням хошутов относится одноименная протяжная песня «Натра Ниме зээсн» («Зайсанг Натыров Ниме»),

¹⁶ Информант Лиджиев Бада Улюмджиевич (1912–1984), хошут из рода ик махлахн. Записано В.П. Шиффом 16–31 июля 1978 г. в МЖС (ныне пос. Хошеуты) Октябрьского района Калмыкии. Оригинал записи оцифрован и хранится в НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 214 (205). Расшифровано Б.В. Меняевым.

в которой говорится о владельце Хошеутовского рода Ики-Цохуровского улуса XIX в. — Натырове Ниме, старшем сыне Натыр-Убуши Тепкенкиева, дед которого Тепкенке Хангаев был потомком одного из крупнейших и влиятельных ойратских тайшей Кондулен Убуши (ум. после 1671 г.).

В традиционном песенном фольклоре хошуты преобладают в основном лирические песни, многие из которых относятся к старинным и встречаются в рукописных сборниках XIX в.: «Сээхн зеерд мөрн» («Красивый рыжий конь»), «Сартгас харсн салкн» («Ветер, дующий из ущелья»), «Цахан толхата бор» («Белоголовый сивко») и др. Их главное назначение — раскрыть внутреннее состояние человека путем непосредственного выражения его чувств, мыслей, впечатлений, настроений. К лирическим песням мы относим *пировые песни (нэарин суурт дуулдг дуд)*, исполняемые на празднествах и свадебных пиршествах как соло, так и группой в унисон. Песня «Сээхн зеерд мөрн» («Красивый рыжий конь») записана в исполнении Джаповой Боовы Басанговны (1923–2014) и Нимгирова Сангаджи Дударовича (1930–2010). Тексты отрывков песни идентичны. Песня посвящается дорогим братьям, каждый куплет песни завершается благопожеланием. Один из ранних более полных текстов песни имеется в рукописи венгерского ориенталиста Габора Балинта (1844–1913), составленной им в 1871–1872 гг. Известно, что в записи и транскрибировании фольклорных текстов ему помогли преподаватель Астраханского калмыцкого училища Шамба Саджирхаев и школьный врач Савгар Манджиев [3, с. 10]. В песне воспевается образ братьев-единомышленников (*Гол-гольшг ахнр танларн / Учтивые и вежливые братья, вместе с вами / Голдк зурк хувалцья / Поделится сокровенными мыслями!*). Их роднит единство в стремлении к всеобщему благополучию.

Песня из рукописи Габора Балинта (1871–1872)

1. *Сээхн зеерд мөрн мини*
Красивый рыжий конь
2. *Сарин герллэ наадна.*
В лунном свете резвится.
3. *Сээхшг заңта ахнр танларан*
С вами, с красивым нравом братья,

Песня в исполнении хошутки Боовы Джаповой¹⁷

1. *Сээхн зеерд мөрн*
Красивый рыжий конь
2. *Сарантн көлднь наадна.*
В лунном свете резвится.
3. *Сээхлж суусн ахнрнь*
Красиво сидящие братья

4. <i>Сарин туршар жирһия!</i>
Целый месяц будем пировать!	4. <i>Сарантн туршар жирһит!</i>
Целый месяц пируйте!
5. <i>Нэрхн зеерд мөрн мини</i>
Стройный рыжий конь мой	5. <i>Нэрхн зеерд мөрн</i>
Стройный рыжий конь мой
6. <i>Нарна герллэ наадна,</i>
В лучах солнца резвится.	6. <i>Нарнин көлднь наадна.</i>
В лучах солнца резвится.
7. <i>Нээрлж суусн ахнр танларан</i>
С вами, пирующие братья,	7. <i>Нээрлэд суусн ахнрнь</i>
Пирующие братья
8. <i>Насни туршар жирһия!</i>
В течение жизни будем блаженствовать!	8. <i>Насни туршарт жирһит!</i>
В течение всей жизни блаженствуйте!
9. <i>Гом болгсн зеерд мини</i>
Крепкий рыжий конь мой	—
10. <i>Голинин шуурагнь хазна.</i>
Щипает осоку у реки.	—
11. <i>Гол-гольшг ахнр танларн</i>
С вами, учтивые и вежливые братья,	—
12. <i>Голтахн зуркэрн бэрлция!</i>
Поделится сокровенными мыслями!	—
13. <i>Өндр зеерд мөрн мини</i>
Высокий рыжий конь мой	—
14. <i>Өлңгин шуурагнь хазна,</i>
Щипает осоку на лугу.	—
15. <i>Өнчн баһ насдан</i>
В юности сиротливой	—
16. <i>Өргмж буульмж татудна.</i>
Не хватает помощи и хвальбы [3, с. 47].	—

Песня в записи Г. Балинта содержит 16 строк, в записи Б.В. Меняева — 8 строк. При текстологическом сличении песен выяснялось, что тексты первых двух куплетов идентичны, но с небольшими изменениями (окончания слов, некоторые пропуски, сокращения, разница в написании и др.). Во втором тексте отсутствуют 3 и 4 куплеты. В тексте наблюдаются образные параллелизмы с компонентом-зоонимом, которые «служат средством не только для композиционного построения текста, но и для иносказательного выражения мысли в тексте; это один из способов реализации основных концептов народной культуры» [15, с. 135]. Объектами параллелизма

¹⁷ Информантка Джапова Боова Басанговна (1923–2014), хошутка из рода шарад. Записано Б.В. Меняевым в мае 2008 г. в г. Элиста Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве собирателя.

являются красивый, крепкий, стройный и высокий рыжий конь, который объясняет различные черты пирующих на пиру братьев: с красивым нравом, учтивые, вежливые и т.д. («далекие психологические основы животного аполога» [16, с. 102]). Следует отметить, что такого рода песни являются старейшими из калмыцких песен, берущие свое начало еще в Джунгарии. «Певец выражает в них свою любовь к друзьям и братьям — чувство, возбужденное в нем пленяющими его картинами и звуками природы, он весь поглощается этим чувством и стремится выразить его в эстетических формах слова» [6, с. 60]. Они наполнены философией, размышлениями и высокой идейностью. Совместное исполнение таких песен за столом или на пиру, подношение чарки-сэнг с аракой уважаемому гостю, собрату (*Чоклн сууһад цоҗцитн бэрлэв, / Сөгдҗ сууһад сөңгитн бэрлэв* || Согнув одно колено, поднес [Вам] чарку, / Согнув колени, поднес [Вам] чарку) эмоционально сближало народ, укрепляло дружбу, а также воспитывало коллективное сознание, ведущее к социальной стабильности общества. К таким песням относятся: «Саглр харһа намчд» («На ветвях раскидистой сосны»), «Өрүн харх нарн» («Восходящее утреннее солнце»), «Бээрнэсн бэрсн мини» («[Молодой рыжко], пойманный на пастбище») и др.

Среди лирических песен хошутов важное место занимают обрядовые свадебные песни-плачи — *куук уулюлдг дуд*: «Өндр уулын үзүртнь» («На вершине высокой горы»), «Өндр уулын белд» («У подножья высокой горы»), «Алта деернь хархнь» («Взойдя на Алтайские горы»), «Сайг сәэхн саарл» («Буланый красавец-иноходец»), «Ээжин дун» («Песня о матери») и др. Согласно калмыцким традициям, замужество девушки приравнивалось к ее смерти, в связи с чем во время свадьбы проводились различные обряды: отрезание кончиков волос и ногтей (*кишг авлһн* ‘оставление счастья в родительском доме’), жертвоприношение огню в родительском доме, смена имени в семье жениха и др. Прощание невесты с родными происходило в сопровождении свадебных песней-плачей (*куук уулюлдг дуд*). Весьма примечательна в этом плане песня «Ээжин дун» («Песня о матери»)¹⁸, записанная в 1977 г. от Инджиевой Булгун Улюмджиевны (1922 г.р.).

1. <i>Өл маңхн тоһрун</i>	1. Сизо-серый журавль
2. <i>Өрүн асхнднь доңдһна.</i>	2. Утром и вечером курлычет.

3. <i>Өврләд өксен ээжнь</i>	3. Воспитавшая [меня] мать
4. <i>Өрүн асхнднь сангдһна.</i>	4. Утром и вечером [мне] вспоминается.
5. <i>Толһа деернь хархнь,</i>	5. Если взобраться на холм,
6. <i>Тоһрун шовун доңдһна.</i>	6. Слышится, как курлычет журавль.
7. <i>Тоглюлад өксен ээжнь</i>	7. Заботливо вырастившая [меня] мать
8. <i>Өрүн асхнь сангдһна.</i>	8. Утром и вечером [мне] вспоминается.

Приведенная песня проникнута глубоким психологизмом. Она как бы передает внутреннее эмоциональное напряжение дочери и матери, их переживания, вызванные расставанием. Песня имеет несложную структуру и проста по своему строению, в первом куплете наблюдается единоначатие начальных слов (анафора). В стихах рифмуются не только начальные слоги, но и присутствует конечная рифма. В песне для организации стиха и целостности сюжета используется один из ведущих приемов художественной речи — образный параллелизм. Это сопоставление сизо-серого журавля с матерью (*Сизо-серый журавль / Воспитавшая [меня] мать, [Слышно], как курлычет журавль / Заботливо вырастившая [меня] мать*). Варианты данной песни в хошутском фольклоре известны и под другими названиями: «Өндр уулын белд» («У подножья высокой горы») и «Өндр уулын үзүрт» («На вершине высокой горы»). Отдельные куплеты перечисленных нами вариантов настоящей песни встречаются в старинных свадебных песнях «Алта деернь хархнь» («Когда взойдешь на горы Алтай») и «Хар келн тоһрун» («Журавль с чёрным языком»), известных ещё в XIX в. К примеру, в сборнике А.М. Позднеева «Свадебные песни калмыков», в одной из песен имеются похожие строки: *Өрүн тоһрудынь доңдһна, / Өрүлсн асхлсн нүүдлһнь / Өвгәхн аавнь сангдһна* || Утром сизо-серый журавль / Утром и вечером во время кочевки / Состарившийся отец [мне] вспоминается. Из текста видно, что девушка, вышедшая замуж, днем и ночью тоскует по отцу. В ранних песнях калмыков образ матери замужней дочерью сравнивается с птицами (*тоһрун* ‘журавль’, *ульр* ‘улар (горная индейка)’, *цах шовун* ‘чайка’, *элә шовун* ‘коршун’, *цен шовун* ‘белый аист, стерх’), верблюдицей, плачущей по верблюжонку, конями различной масти, хангайским оленем, жемчугом и др. В основе образного параллелизма хошутской песни «Алта деернь хархнь» («Поднявшись на гору Алтай»), исполненной Айтаевой Байн Борлыкковой (1903–1991), лежит сопоставление матери с образами птиц: *ульр шовун* ‘улар,

¹⁸ НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 184(175), 1 дорожка.

горная индейка' и *тоһрун* 'журавль'. Среди ранних калмыцких песен есть песни, сложенные матерью, тоскующей по замужней дочери. К примеру, в тексте «Шур өңгтэ зерд» («Рыжий [конь] с коралловым отливом») мать свою дочь называет неоперившимся птенцом (*дегдэмл*), которого она отпустила в далекие края; ястребом (*харих*), которого она отпустила в скалистые горы; маленькой (*көөрк*), которую она выдала замуж в чужие края.

В калмыцком песенном фольклоре воспевание семьи и родителей является одной из главных тем. В песне «Сайг сэхэн саарл» («Мышастый красавец-иноходец») замужняя дочь своих родителей называется своей опорой. В хошутском варианте представлено всего два куплета, в записях Г. Балинта и А.М. Позднеева пять куплетов. Последние варианты практически идентичны за исключением одного куплета, имеющегося в варианте песни, записанной Позднеевым на «ясном письме»: *Тавлһни мөрнд / Татур олң түшлһ, / Танчлһн баһ наснд / Ээж-аав түшлһ* || Для лошади, которую готовят к скачкам / Седельная сбруя — опора / В юном молодом возрасте / Мать с отцом — опора.

Песня в записи Г. Балинта (1871–1872)

1. *Сайг сэхэн саарлнь*
У мышастого
красавца-иноходца
2. *Сээр деернь өслэв,*
Выросла на крупе я.
3. *Сээхшг заңта ээжинэн*
У доброй матушки
4. *Өвр деернь өслэв.*
На руках выросла я.
5. *Урлдани мөрнд*
Для скаковой лошади
6. *Ууд жоло түшлһн,*
Подпруга и катаур — опора.
7. *Уйн баһ наснд*
В юном молодом возрасте
8. *Ээж-аав түшлһн.*
Мать с отцом — опора.
9. *Архлани мөрнд*
Для лошади, стоящей
на приколе

Песня в исполнении хошутки Боовы Джаповой¹⁹

1. *Сайг сэхэн саарлыннь*
У мышастого
красавца-иноходца
2. *Сээр деернь өслэв.*
Выросла на крупе я.
3. *Сээхшг заңта ээжиннь*
У доброй матушки
4. *Өвр деернь өслэв.*
На руках выросла я.
5. *Урлдана мөрнд*
Для скаковой лошади
6. *Ууд-жоло түшэн.*
Подпруга и
катаур — опора.
7. *Уйн баһ наснднь*
В юном молодом
возрасте
8. *Аав-ээж түшэн.*
Мать с отцом — опора.

¹⁹ Информантка Джапова Боова Басанговна. Записано А.В. Бадмаевым 5 июня 1970 г. в пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи оцифрован и хранится в НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 114 (105). Расшифровано Б.В. Меняевым.

10. *Арһмж деесн түшлһн,* —
Аркан — опора
11. *Аля баһ наснд* —
В юном молодом возрасте
12. *Ээж-аав түшлһн.* —
Мать с отцом — опора.
13. *Баһ герин түшлһн* —
Опора для маленькой юрты
14. *Баран бакс хойрви* —
Баран и бакс.
15. *Баһ бичкн наснд* —
В юности
16. *Ээж-аав түшлһн.* —
Мать с отцом — опора.
17. *Ик герин түшлһн* —
Опора для большой юрты.
18. *Уньн терм хойрви,* —
Унины и терме
19. *Уйн баһ наснд* —
В юности
20. *Ээж-аав түшлһн.* —
Мать с отцом — опора [3, с. 49].

При синоптической развертке текстов песен было выявлено, что два куплета хошутского варианта песни полностью совпадают с текстом песни, зафиксированным Г. Балинтом в 1871–1872 гг., все остальные куплеты, к сожалению, в XX в. были утрачены. Здесь так же, как и в предыдущих песнях, для композиционного построения текста используются образные параллелизмы, помощь и опора родителей сравнивается с опорой скаковой лошади, лошади, стоящей на приколе, а также с опорой большой и маленькой юрты. Текст изобилует терминами, относящимися к кочевой лексике: названия лошадей (по окрасу: *саарл* 'мышастый'; по аллюру: *сайг* 'иноходец, лошадь с мелкой иноходью', *урлдани мөрн* 'лошадь, участвующая на скачках'; по состоянию: *архлани мөрн* 'лошадь, находящаяся на привязи, на приколе' и др.); названия конской упряжи (*ууд* 'удила', *жоло* 'вожжи, поводья'; *арһмж деесн* 'аркан'); названия юрт согласно их размерам (*баһ гер* 'маленькая юрта', *ик гер* 'большая юрта'), названия составных частей юрт (*баран* 'место, где собрано и аккуратно сложено имущество семьи', *бакс(ц)* 'место соединения, стык решетчатых стен юрты', *уньн* 'жердь, которой поддерживается верхний круг юрты', *терм* 'стенная решетка юрты'). Под влиянием буддизма во многих старинных песнях появились строки, где дети просят божеств Майтрею и Цзонхаву благословить и позаботиться об их родителях. К примеру, *Маниг һарһсн*

ээжиг / Мээдрин гегэн²⁰ өршэтхэ! || Нас породившую мать / Пусть благословит Майтрея! Зу курсн аавнь / Зунквани²¹ хормаднь багтна || Отца, достигшего ста лет / Пусть благословит Цзонкава! (букв. Пусть поместиться в подоле Цзонхавы).

В песенном фольклоре хошуттов сохранился один куплет из архаичного текста колыбельной песни (саатулын дун): Хунын куукн хундан бэг, / Хулһр алгнь ээждэн бэг. / Ценин куукн цендэн бэг, / Цегрг алгнь ээждэн бэг || Пусть лебеденок будет с лебедкой, / Пусть корноухий пегий жеребенок будет с матерью, / Пусть аистенок будет с белым аистом, / Пусть светло-пегий жеребенок будет с матерью. В песне высказывается пожелание ребенку счастливой доли, чтобы он был с родителями, поется о птицах и их птенцах, кобылице и её жеребятах. Настоящий куплет из народной песни в качестве припева обнаружен нами в авторской песне Санджи Каляева «Саатулын дун» [17, с. 162], поэт был знатоком калмыцкой народной поэзии.

Таким образом, сравнительный анализ текстов хошутских песен с записями калмыцких песен XVIII–XIX вв., показал, что они являются вариантами-«осколками» старинных песен и на протяжении более чем столетнего своего бытования значительно изменились и сократились, в основном до четырех или восьми строк. В некоторых хошутских песнях, таких как «Маштг шарһ мөрн» («Низкорослый соловый конь»), тексты песен настолько перепутались, что первый куплет о юноше-сироте совершенно не вяжется со вторым, который был, по-видимому, перенесен из песни «Машт бор» («Низкорослый сивый [конь]»), песни об Отечественной войне 1812 года. Последняя строка второго куплета (*Маниһэн яһтха гисмби?* || На кого нас оставил?) вероятно, была взята из песни об уходе торгутов в Джунгарию в 1771 г. под предводительством Убаши-хана. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что рукописные тексты калмыцких ранних песен, хранящие «генетическую первооснову» текста, дополняют и расширяют знания о хошутских песнях и показывают общий национальный фольклорный фонд калмыков.

²⁰ Мээдрин гегэн – *рел.* Майтрея, персонаж буддийской мифологии, выступающий одновременно и как бодхисаттва, и как будда будущего.

²¹ Зунква (<*тиб.* tsong kha pa ‘падь дикого лука’) – *рел.* Цзонкава Лобзангдракпа (Чже Цонкапа, 1357–1419) – тибетский средневековый религиозный деятель, ученый, автор многих буддийских сочинений, проповедник, основатель школы Гелугпа (желтошапочников).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей;
букв. – буквально;
ист. – историзм;
калм. – калмыцкий;
монг. – монгольский;
 НА КИГИ РАН – Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН;
 НА РГО – Научный архив Русского географического общества;
 НБ СПбГУ – Научная библиотека восточного факультета Санкт-Петербургского университета;
рел. – религионим;
 РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
санскр. – санскрит;
тиб. – тибетский язык;
уст. – устаревшее слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санчилов В.П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. 137 с.
2. Меняев Б.В. Историко-культурное наследие хошуттов Калмыкии: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 544 с.: ил.
3. Калмыцкие народные песни и мелодии XIX в. (по архивным и опубликованным материалам). Записи XIX века. Ч. I / Вступ. ст. сост., предисл., подг. текстов, пер. на соврем. калм. язык и прилож. Б.Х. Борлыковой. Транслитерация, пер. со старокалм. на соврем. калм. язык Б.В. Меняева. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2015. 120 с.
4. Электронный каталог «Калмыцкие народные песни» (по архивным и опубликованным материалам). Записи XIX – начала XX вв. / Вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов, перелож. на соврем. калм. язык и прилож. Б.Х. Борлыковой, Б.В. Меняева. Элиста. 173 с. URL: <https://kalmyki.narod.ru/songs?ysclid=m7fx8j943z523079925>
5. Борлыкова Б.Х. Калмыцкие народные песни и мелодии XIX – начала XX вв.: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023б. 352 с. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2015. 120 с (На калм. яз.)
6. Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880. 347 с.

7. Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Ответственный редактор Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. IV. X–Я. 532 с. (На монгольском и рус. яз.)
8. Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
9. Төмөртоого Д. Монгол хэлний үгийн гаралын тайлбар толь (Этимологический словарь монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018б. 445 с.
10. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993. 512 с.
11. Борлыкова Б.Х., Омакаева Э.У. Песни и музыкальные инструменты ойратов Синьцзяна // Традиционная культура. 2017. № 3 (67). С. 33–45.
12. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
13. Митиров А.Г. Из истории хошутов и их владельцев // Хальмг үнн. 2005. 1 марта. С. 6.
14. Бадгаев Н.Б. Военное прошлое калмыков в зеркале исторических песен (по материалам коллекции А.Л. Ушанова) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 76.
15. Ойноткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / Отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. унта, 2012.
16. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
17. Каляев С.К. Степной родник: стихи, автобиографическая проза, материалы из личного архива С.К. Каляева / Сост. и предисл. А.Г. Салдусовой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 335 с.
- the 19th century. Part I. Intro. Art. Comp., Preface, Subg. Texts, Trans. into Modern Kalm. Language and Appendix by B.Kh. Borlykova. Transliteration, trans. from the old Kalm. language of B.V. Menyaev. Elista: ZAO r NPP “Dzhangar”, 2015. 120 p. (In Russ. and Kalmyk)
4. *Ehlektronnyi katalog “Kalmytskie narodnye pesni” (po arkhivnym i opublikovannym materialam). Zapisi XIX – nachala XX vv.* [Electronic Catalog “Kalmyk Folk Songs” (Based on Archival and Published Materials). Records of the 19th – early 20th Centuries]. Intro. Art., Comp., Preface, Subg. Texts, Transcription into Kalm. Language and Appendix by B.Kh. Borlykova, B.V. Menyaev. Elista. 173 p. URL: <https://kalmyki.narod.ru/songs?ysclid=m7fx8j943z523079925>
5. Borlykova, B.Kh. *Kalmytskie narodnye pesni i melodii XIX – nachala XX vv.: issledovanie i materialy* [Kalmyk Folk Songs and Melodies of the 19th – early 20th Centuries: Research and Materials]. Elista: Publishing House of Kalm. University, 2023. 352 p. (In Russ. and Kalmyk).
6. Pozdneev, A.M. *Obraztsy narodnoi literatury mongolskikh plemen* [Samples of Folk Literature of the Mongolian Tribes]. Issue 1: Folk Songs of the Mongols. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1880. 347 p. (In Russ.).
7. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [A Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 Volumes. Executive Editor G.C. Pyurbeev. Moscow: Academia Publ., 2001. Vol. IV. X–Ya. 532 p. (In Mongolian and Russ.)
8. Androsov, V.P. *Indo-tibetskii buddizm* [Indo-Tibetan Buddhism]. Encyclopedic Dictionary: Monograph. Moscow: Orientalia Publ., 2011. 448 p. (In Russ.)
9. Tomortoo, D. *Mongol khehlnii ygiin garalyn tailbar tol (Ehtimologicheskii slovar mongolskogo yazyka)* [Etymological Dictionary of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Admon Print, 2018. 445 p. (In Mongolian)
10. Pozdneev, A.M. *Ocherki byta buddiiskikh monasteyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu* [Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of this latter to the people]. Reprint edition. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1993. 512 p. (In Russ.)
11. Borlykova, B.H., Omakeeva, E.U. *Pesni i muzykalnye instrumenty oiratov Sintszyana* [Songs and Musical Instruments of the Oirats of Xinjiang]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2017, No. 3 (67), pp. 33–45. (In Russ.)
12. *Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabrskii period* [Essays on the History of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 479 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Sanchirov, V.P. “*Ilehtkhehl-shastir*” kak istochnik po istorii oiratov [“*Ilehtkhehl-shastir*” as a Source on the History of the Oirats]. Moscow: Main editorial office of Oriental literature, 1990. 137 p. (In Russ.)
2. Menyaev, B.V. *Istoriko-kulturnoe nasledie khoshutov Kalmykii: issledovanie i materialy* [Historical and Cultural Heritage of the Khoshuts of Kalmykia: Research and Materials]. Elista: Publishing House of Kalmyk university, 2023. 544 p.: ill. (In Russ. and Kalmyk)
3. *Kalmytskie narodnye pesni i melodii XIX v. (po arkhivnym i opublikovannym materialam). Zapisi XIX veka* [Kalmyk Folk Songs and Melodies of the 19th Century (Based on Archival and Published Materials)]. Records of

13. Mitirov, A.G. *Iz istorii khoshutov i ikh vladeltsev* [From the history of the Khoshuts and Their Owners]. *Khalmg ynn.* 2005, March 1, p. 6. (In Russ.)
14. Badgaev, N.B. *Voennoe proshloe kalmykov v zerkale istoricheskikh pesen (po materialam kolleksii A.L. Ushanova)* [The Military Past of Kalmyks in the Mirror of Historical Songs (Based on the Materials of the Collection of A.L. Ushanov)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2010, No. 1, p. 76. (In Russ.)
15. Oynotkinova, N.R. *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poehtika i pragmatika zhanrov* [Altai Proverbs and Sayings: Poetics and Pragmatics of Genres]. Ed. O.N. Laguta. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2012. (In Russ.)
16. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaya poehtika* [Historical Poetics]. Moscow: Higher School Publ., 1989. 406 p. (In Russ.)
17. Kalyaev, S.K. *Stepnoi rodnik: stikhi, avtobiograficheskaya proza, materialy iz lichnogo arkhiva S.K. Kalyaeva* [Steppe Spring: Poems, Autobiographical Prose, Materials from the Personal Archive of S.K. Kalyaev]. Comp. and preface by A.G. Saldusova. Elista: Kalm. publishing house, 2005. 335 p. (In Russ. and Kalmyk)

Дата поступления материала в редакцию: 18 июля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 октября 2024 г.

Статья принята к публикации: 18 ноября 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2025 г.

Received by Editor on July 18, 2024

Revised on October 17, 2024

Accepted on November 18, 2024

Date of publication: April 30, 2025